

Игорь ГЛЕБОВ
(Б. Асафьев)

Третья симфония Рахманинова

Одним из пленительных, завораживающих моментов рахманиновской лирики всегда были своего рода «стыния», застывания музыкального развития на какой-либо, словно особенно понравившейся композитору интонации. Мысль как бы остановилась. Она созерцает или, может быть, озирается в мире явлений, как бы отыскивая путь дороги дальше, отыскивая луч маяка, чтобы плыть к нему — к надежде, к верному другу. Подобные мелодические обороты в музыке Рахманинова порой напоминают пастуший наигрыш или краткую попевку из старинной культурной мелодии — «зачин гласа».

Любопытна также привязанность Рахманинова к интонациям, несколько ассоциирующимся с звенящими инструментальными наигрышами. Их движение — постепенное раскачивание и, наконец, звонкий ясный перебор. «Колокола» — не только тема кантаты Рахманинова на стихи Эдгара По. В колокольных перебивках, переборах и в звонких отзвуках, может быть, ямшицких бубенцов и колокольчиков, вообще в лирике «колокольности», в дёте по воздуху «волн звона» существовала для композитора красота развёртывания, расцветания, распространения музыкальной интонации.

Звуковыми наплывами, набеганием волны за волной чаще всего движется симфоническое развитие рахманиновской музыки. То колебание за колебанием, почти шест; то всплеск за всплеском; то раскачивание за раскачиванием; то чередование мощных «полнозвучий» (напомню хотя бы начало второго фортепианного концерта).

В «созерцательных» эпизодах играет большую роль красивый, типично рахманиновский орнамент — мелодичный, плавающий, спокойно расцветающий. Так нежась струи русской прихотливо извиляющейся лесной реки. Можно долго и далеко идти вдоль неё, любясь сменами и оттенками окружающего пейзажа. Трудно не любить подоб-

ного рода рахманиновские медленные колебания музыки, когда мелодический рисунок словно нехотя растает с каждым своим красивым изгибом и извивом. Недаром эпоха рождения рахманиновской мелодии совпадает с развитием русского лирического пейзажа, в котором живопись моментами столько же видится, смотрится, сколько одновременно и слышится.

Я робко пытаюсь схватить словами самое существенное в особенностях лиризма и вообще музыкально-поэтической речи Рахманинова — и вокальной и инструментальной. Три отмеченных свойства («опевание» неподвижной мелодической точки, прихотливые образы звонов и перезвонов и, наконец, орнаментальная напевная звуковость) встречаются почти всегда в типичных для композитора произведениях.

Развитие творчества Рахманинова не было бурным, мучущимся. Оно обычно колебалось в переходах от лирических узorno-мелодических, ясных созерцаний к пафосным (порой по-надсоновски надрынным) мелодрамным ламестациям. В эти крайности вклинялись мужественные «страницы радости» — праздничной настроенности ивесеннего «зеленого шума». Здесь пела юность, сказывалась свежесть воображения, но рядом вдруг воздвигались некие нагромождения: «рахманиновское барокко», нагромождения тяжелоозвонки, а по музыкальной сути своей порой обманчивые, как гора пуховых подушек.

В третьей симфонии вспоминается Рахманинов лучших своих овоиств. В ней три обстоятельные части, но в среднюю (медленную) включено как бы скерцо — порывистое движение в прерывистых ритмах волнословно маршевого натиска.

На таком же движении основано в первой части симфонии всё центральное развитие. Идёт подём (рахманиновские наплывы звуко-волн, одна за одной). Дыхание спер-

ва беспокойное, короткое. Паузы частые: словно, чтобы захватить воздух. Но тема ускоряется: порыв к далёкой цели, стремление в неизвестную страну, там, за перевалом, или погоня за сказочным образом красоты, как Ивана-царевича за Жар-птицей, — всё сильнее, всё напряженнее. Растут силы. Крепнет дыхание. Прерывистость переходит в волевой натиск. Начинаются яркие, более длительные нарастания. Наконец, будто предел напряжённости — характерный рахманиновский набатный колокольный наплыв (разумеется, это не бытовой звон, а образ словно звучащей атмосферы)...

Начало симфонии: из тишины, из дали, из раздумья. Музыка рождается из прекрасной своей русской архаической напевностью, вводной, как мотто, мелодии, завета. Резкий всплеск, будто взвился занавес. Опять тишина, в которой возникает подголосок (мигнорная «терция кукушки») и на нём выразительная лирическая распеваемая тема, оказывающаяся вскоре же источником многообразнейших превращений: стимулом интереснейшего развития, о котором уже было сказано.

Средняя, медленная часть симфонии — созерцание, дума, переходящая в беспокойство. Исходная мысль (solo валторны на арфных аккордах) — трансформированная начальная попевка симфонии, но шире распетая, как голос вещего певца у синя-моря или бел-озера. Дальнейшее раскрытие музыки, расширяющееся наплывы и шелесты «звуковых струй», над которыми реют, словно перистые и нежные облака, мелодии-попевки. Или это лёг птицы-лебедя над «тихим пркоем»? О многом, многом «настроенчески» прекрасном, задушевном, пейзажно-русском говорит музыка адажио: такое чувство охватывает, когда закатной порой в странствованьях на Севере выходишь среди леса к озеру, лесом хранимому и замороженному, и подаёшься очарованию тишины.

В последней части симфонии преобладают «переливы перезвонов», типичные для Рахманинова: среди наплывов мелодий звенит воздух, — то радостно и светло, то тревожно и настороженно, то ликующе. От этого финала остаётся хорошее, цельное впечатление, а от всей симфонии такое чувство, будто слух совершил неспешную прогулку в «садах человеческого сердца». Лучшим страницам музыки Рахманинова всегда были свойственны подобные состояния, как и лучшим поэтическим прозрениям русских художников-пейзажистов. Впрочем, русский лирический напевный пейзаж сам является сердцем русской живописи.

Партитуру симфонии Рахманинова нельзя назвать оркестрово-красочной. Её «тутти» — звучности всего оркестра — не приковывают особого внимания. Но зато инструментально-напевный рисунок отдельных голосов, которые сплетаются, переливаясь своими тембрами, составляет одно из привлекательных свойств стиля Рахманинова.

Интересна ритмика симфонии. Выразительность пауз-цезур, па-

уз, разрезающих и синкопирующих напев и тем самым его напрягающих, контрасты короткого дыхания и широкого плавного — вся эта взволнованность движения музыки лишь усиливает впечатление стройности и мерности развития мысли симфонии по намеченному пути.

Третья симфония Рахманинова примыкает к лучшим традициям русской симфонической классики. При этом она ближе к бородинскому лирико-эпическому становлению, чем к реалистической драматургичности Чайковского. Она — крупное явление в эволюции национально-русского симфонизма. Симфонии Рахманинова возникли на жизненно далёких расстояниях друг от друга, словно подытоживая прожитые творческие годы. В них раскрываются и сплетаются лучшие стороны его глубоко созерцательной, насыщенной проявлениями правдивого цельного чувства музыки: не знающей грубой чувственности, живущей лирикой сердечных горестных замет и гимнами восторга, гимнами любви, обращённой к великой родине композитора.

Первое исполнение

11 и 13 июня в Большом зале Консерватории состоялись концерты Государственного симфонического оркестра Союза ССР под управлением Н. С. Голованова, вызвавшие огромный интерес московской аудитории. В центре внимания была впервые исполненная в Москве третья симфония С. Рахманинова. Произведение это бесспорно займёт постоянное и видное место в концертных программах; доказательство тому — единодушный горячий приём его на концертах в Большом зале.

В симфонии отражены лучшие стороны творческого облика Рахманинова: непосредственность его лирики, поэтичность конкретности образов, свойственная его программной музыке.

Работа дирижера и оркестра над симфонией тщательна и интересна.

Дирижёр Н. С. Голованов почувствовал и передал в симфонии самое существенное — её чудесную певучесть, мягкость лирических линий, внутреннюю энергию её движения, то сдержанную в медленной части, то свободно развертывающуюся в стремительном финале.

Недостатком исполнения было, пожалуй, излишнее любование выразительными деталями, иногда заслонявшими общие контуры формы. Тот же упрек можно предъявить трактовке второго произведения программы — скрябинской «Поэмы-экстаза».

В целом же концерты 11 и 13 июня принадлежат к числу самых значительных событий музыкального сезона.